туты международного сообщества будут искусственно развивать нас, но уже в направлении, соответствующем своим потребностям, целям и ценностям.

Очень важно не создавать разрыва между информированностью граждан и их социальными возможностями. Когда есть социально важная для личности информация, но нет возможности что-либо в этой связи предпринять, может возникнуть фрустрация, депрессия. В масштабах общества это закономерно ведет к социальному взрыву или кризису, деградации.

Наконец, известно, что модель «догоняющего развития» не способствует равноправному диалогу с оппонентами, поэтому необходимо развивать свою научную мысль в данном направлении, чтобы соблюсти суверенные интересы и государства, и гражданского общества.

Литература

1. URL: http://www.opengovpartnership.org
2. *Анисимцев Н.* Транспарентность административно-государственного управления: японский вариант. URL: www.politlogia.narod.ru/TEMATIKA/info-polbnika/transparent.htm
3. *Ибарра П.* Открытое правительство: Десять самых популярных обязательств. URL: http://rusrim.blogspot.com/2012/04/blog-post_5242.html

Сергей АКОПОВ

Концепции «Амероссии» и «российского регионализма» в творчестве Михаила Эпштейна

«АМЕРОССИЯ»

– Михаил Наумович, вы упоминали Мераба Мамардашвили. Известно, что у Мамардашвили было особое отношение к Франции. Вот ваша история – англо-американская. Как вы ощущаете себя в качестве части русско-американской культуры, для вас это осознанный выбор?

М. Эпштейн: **И Америка, и Россия (раньше Советский Союз) – это империи, страны с очень сильными глобалистскими притязаниями, и переезжая из одной такой «надкультуры» в другую, чувствуешь себя по-прежнему в подвешенном состоянии, как будто перед тобой целый мир, его границ почти не ощущаешь… Здесь легче освободиться от своей «врожденной», исконной культуры, войти в транскультурный мир.**

Убедительное и полновесное звучание тема транскультуры находит в статье Эпштейна «Амероссия. Двукультурие и свобода». Эта статья опирается на речь, прочитанную им при получении премии *Liberty* в декабре 2000 г., где понятие «транскультура» раскрывается на конкретном материале российско-американского двукультурия. Интересное развитие находит здесь тема странничества применительно к самоидентификации российской диаспоры в США. «В тот исторический момент, – пишет Эпштейн, – когда рухнул железный занавес и распался Советский Союз, совершилось еще одно достопримечательное событие: мы перестали быть беглецами из одной страны в другую. ...Вдруг стало понятно, что мы ни оттуда и ни отсюда, мы совсем другие русские и совсем другие американцы, не похожие ни на тех, ни на других. *Мы не страна, а странность, страна в стране, способность видеть мир чужим и свежим, как бы только рожденным*» [1].

Можно провести параллели между самоощущением современных русских эмигрантов в Америке и во Франции после 1917 г. В книге П. Гру «Русские во Франции: вчера и сегодня» приводятся слова Д. Мережковского: «наша эмиграция – это наш путь к Родине ... Мы – не эмигранты, но мигранты из старой России в сторону будущей России» [2, p. 99]. Как отмечает П. Гру, русские в изгнании вынуждены были плыть и держаться на поверхности (*фр. «flotter»*) между двух идентичностей; с точки зрения большевиков, русских вне границ советской России вообще не существовало.

Что касается относительно новых тем в статье «Амероссия», то это тема США и России после окончания «холодной войны». «Русская и американская культуры, – отмечает Эпштейн, – долгое время воспринимались как полярные, построенные на несовместимых идеях: коллективизма и индивидуализма, равенства и свободы, соборности и “privacy”... Мы, русские американцы, находимся в... точке схождения противоположностей – и должны заново и заново разрешать их собой, в своем опыте и творчестве» [1]. Указывая на то, что поле русско-американской культуры до сих пор заряжено интеллектуальными и эмоциональными противоречиями, которые делали их врагами и соперниками в эпоху «холодной войны», Эпштейн пишет об Амероссии как о великой культуре, которая не вмещается це-

Первая статья С. Акопова **«Политика и транскультура в политико-философском творчестве Михаила Эпштейна»** опубликована в «ГС» №6-2012. Автор приводит фрагмент интервью Эпштейна (публикуемого впервые) и развивает тему анализом его работ.

Сергей АКОПОВ – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Северо-Западного института РАНХиГС

ликом ни в узко американскую, ни в узко российскую традицию. «Когда я думаю о русском американце, мне представляется, – отмечает автор, – образ интеллектуальной и эмоциональной широты, которая могла бы сочетать в себе *аналитическую тонкость и практичность американского ума и синтетические наклонности, мистическую одаренность русской души*. Сочетать российскую культуру задумчивой меланхолии, сердечной тоски, светлой печали и американскую культуру мужественного оптимизма, деятельного участия и сострадания, веры в себя и в других...» [1].

Параллельно с выступлением М. Эпштейна вышла статья профессора Э.Я. Баталова «Русская идея и американская мечта». Она содержала убедительное комплексное сравнительное исследование «Русской идеи» (автор термина – Ф. Достоевский) и «Американской мечты» (автор термина – Джеймс Адамс) как двух великих национальных мифов, оказавших и продолжающих оказывать влияние на сознание и самосознание россиян и американцев. Обращая внимание на факт «столкновения» русской идеи и американской мечты, Э.Я. Баталов в конце 2000 г. писал, что изначально русская идея ориентировала государство и общество на проведение имперской внешней политики. Таким образом, Э.Я. Баталов характеризовал «холодную войну», начавшуюся после окончания Второй мировой войны, не только как противоборство двух социально-политических систем и двух военно-политических блоков, ведомых сверхдержавами, но и как противоборство двух идей мессианства, двух глобальных сил, мнивших себя одна – «Градом на холме», другая – «Третьим Римом» [3, с. 33].

Еще одна тема, затрагиваемая Эпштейном – падение в США интереса к изучению русского языка. «Не только славянские, но и все университетские отделения иностранных языков и культур, кроме испаноязычных, теряют свое прежнее значение в силу глобального распространения английского. Когда студенты спрашивают, зачем нужно изучать иностранные языки, я отвечаю: хотя бы для того, чтобы знать английский. Зачем знать русскую литературу? Чтобы понимать американскую. Потому что без знания чужого нет понимания своего, нет чувства границы, нет способности посмотреть на себя со стороны... Поначалу, когда я преподавал Пушкина, мне казалось, что американским студентам его легче будет усвоить через сравнение с Байроном. Но поскольку они не знали, кто такой Байрон, в конце концов пришлось его объяснять через сравнение с Пушкиным» [1].

ФИЛОСОФИЯ РЕГИОНАЛИЗМА И «МНОГОРОССИЙСКОГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА»

М. Эпштейн: **Интересно, что некоторые авторы (например, Вадим Штепа), опираясь на мое эссе «О Россиях», называют меня «философом русского регионализма». Я надеюсь, что в будущем все пока еще слабосильные области или регионы России смогут обрести экономическую, политическую и особенно культурную самостоятельность, т. е. стать как бы государствами в государстве. Я это остро ощущаю, когда путешествую по России: Углич, Кострома, Ярославль, Рязань, Орел, Тула, Калуга – везде попытки подчеркнуть свой местный колорит, культурную специфику, пусть хотя бы в целях привлечения туристов. Крошечный город Мышкин – но и у него уже есть своя мифология и система традиций. Когда все это вырастет, тогда мы можем оказаться в едином Российском трансэтническом союзе, как Европейский союз, объединяющий разные европейские страны. Конечно, поскольку Франция, Германия, Испания развивались в либеральном духе с феодальных времен, они гораздо больше успели оформиться как нации, но, может быть, что-нибудь подобное случится и с владимирщиной, и с орловщиной, и с вологодчиной... Россия мне видится как союз многих Россий, и в этом смысле она равномощна не одной европейской стране, а Европе в целом.**

...Можно сопоставить регионализм Эпштейна с концепцией «составной/двойной идентичности» и «европейского локального космополитизма» современного испанского политолога Л.Морено. Согласно Морено, европейский локальный космополитизм в основном затрагивает сообщества среднего размера, существующие в пределах или стремящиеся за пределы структур конкретного государства. В Европе его можно найти в рамках наций-государств (Дания и Финляндия), в рамках национальных образований, лишенных государственного статуса (Каталония или Шотландия), регионов (Брюссель или Венеция) и городских агломераций (Лондон или Берлин), хорошо подготовленных для того, чтобы осуществлять собственную инновационную политику в интегрированной Европе. Последние, судя по всему, продолжают традиции воссоздания политических сообществ, процветавших в эпоху до Нового времени (итальянские города-государства, Ганзейский союз, княжества). Вместе с тем, в отличие от периода Ренессанса, на сегодняшний день существуют общие институциональные связи, сопутствующие процессу европеизации. Европейский суд и Шенгенское соглашение, так же как и общая политика в области единой валюты евро, Маастрихтский макроэкономический критерий и программы могут рассматриваться в качестве шагов, непоколебимо приближающих нас к идее наднациональной европеизации [5, p. 511].

Итальянский философ У. Эко, как и Эпштейн, уверен, что нации со временем исчезнут, а ориентироваться европейцы будут на крупные культурные мегаполисы: «Италия имеет тенденцию разваливаться, потому что нашу страну искусственно объединили. А Европейский союз – это совсем другая история. Он должен привести нас к исчезновению наций, которые в той или иной степени формировали жизнь Европы последние 800 лет. Теперь более важным будет со-

юз, например, Барселоны и Загреба, чем союз Испании и Хорватии. Нас ждет новая федерация городов и так Европейский союз сможет выжить» [6, с. 58].

ПРОТИВ НЕОМАРКСИСТСКОГО ПОНИМАНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛА

– Какова, на ваш взгляд, роль интеллектуала или университетского профессора в преодолении явлений национализма, ксенофобии, политического радикализма. Как можно ее усилить?

– Прежде всего необходимо очистить понятие интеллектуала от «левацких» извращений в духе М. Фуко, которые популярны в среде западной академической интеллигенции. Фуко понимал роль интеллектуала по-марксистски: интеллектуал должен определиться по линиям своей классовой и партийной принадлежности. То есть локализовать свою деятельность, редуцировать ее к выражению определенных социальных интересов. При этом Фуко разделяет с марксизмом-ленинизмом презрение к понятию универсального, ко всякому «абстрактному», надклассовому гуманизму. Тогда как, на мой взгляд, интеллектуал – в этом и состоит его роль – есть вестник универсального в жизни общества, разбитого на классы, партии, нации, этносы, расы и т. д. То, что интеллектуал может дать обществу – это именно подняться над войной всяких идентичностей (я рабочий, ты буржуй; я белый, ты черный; я женщина, ты мужчина; я «гетеро», ты «гомо» и т. п.) и тем самым, по Мамардашвили, осуществить акт трансценденции данной культуры…

Спор, о котором Эпштейн упоминает в интервью, заключается в отрицании мысли М. Фуко, согласно которой «интеллектуал определяется трояко: во-первых, своей классовой позицией (как мелкий буржуа на службе капитализма или как “органический” интеллектуал пролетариата); во-вторых, условиями жизни и работы (область исследования, место в лаборатории, политические требования, которым он подчиняется или против которых бунтует в университете и т. д.); наконец, спецификой политики истины в наших обществах. Иными словами, отмечает Эпштейн, «интеллектуал определяется Фуко политикой во-первых, во-вторых и в-третьих» [7]. Но тогда что – ставит вопрос Эпштейн – делает его интеллектуалом и отличает от партийных функционеров или от любых членов общества как носителей определенных социальных функций?

Эпштейн сам прошел через увлечение постмодернистскими идеями. Полемизируя с неомарксистским пониманием интеллектуала М. Фуко, Эпштейн критикует не столько марксизм или постмодернизм, сколько *релятивизм*, ставший стержнем идеологии СССР. Подчеркивая идеологическую разнородность советского марксизма (от идей французского якобинства до толстовства и славянофильства), Эпштейн обвиняет эту идеологию в релятивизме, в том, что она «постоянно меняется и расширяет набор своих идей ради того, чтобы ее власть оставалась неоспоримой. Ради того, чтобы заполучить мир, эта идеология готова расстаться со своей идентичностью» [8, с. 81].

• • •

Рассмотрев ряд тем в политико-философском творчестве М.Н. Эпштейна, мы можем говорить об определенной целостности социально-политической доктрины автора. Его политическая философия раскрывается через концепции «транскультуры» и «критической универсальности», а также через прикладные проекты «Амероссии» и «многороссийского человечества». Эпштейну представляется, что сегодня российская философия могла бы активно участвовать в построении критической универсальности, опираясь на свой огромный исторический, еще мало отрефлектированный на Западе опыт. Воинствующий детерминизм, который даже в СССР уже в 1930-е гг. осуждался как вульгарный, в Америке 1990-х охватывает самую утонченную интеллектуальную прослойку, которая распространяет признаки «идейной завербованности» на расу, этнос, пол. Расовое происхождение или половая принадлежность всецело определяют идеологию данного автора или текста. Научные, эстетические, религиозные вопросы становятся прежде всего вопросами политическими. Язык, текстуальность, система знаков, культурные институты и символы, по мнению Эпштейна, все это не должно трактоваться как орудия борьбы за власть и средства политического господства.

Литература

1. *Эпштейн М.Н.* Амероссия. Двукультурие и свобода. Речь при получении премии «Liberty» // Звезда. 2001(а). № 7: URL: http://magazines.russ.ru:8080/zvezda/2001/7/epsh.html (дата обращения 02.09.2012)
2. *Groux P.* Russes de France. D'hier a aujourd'hui. Edutions du Rocher. Monaco, 2007.
3. *Баталов Э.Я.* Русская идея и Американская мечта // США v Канада – экономика, политика, культура. 2000. № 12. С. 21-41.
4. *Эпштейн М.Н.* О Россиях // На границах культур. Российское-американское-советское. Нью-Йорк: Слово, 1995. URL: http://kitezh.onego.ru/o_ros.html (дата обращения 02.09.2012)
5. *Moreno L.*'Identitйs duales et nations sans итat (la Question Moreno)', Revue Internationale de Politique Comparйe. 14 (4): 497-513. 2007.
6. *Мильчин К.* Кто ваш враг? Интервью с У. Эко // Русский репортер. № 46 (224). 2011. 24 ноября – 1 декабря. С. 52-58.
7. *Эпштейн М.Н.* Универсика: на пути к критической универсальности / Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение. 2004. С. 635-651. URL: http://old.russ.ru/antolog/intelnet/mt_universal.html (дата обращения 02.09.2012).
8. *Epstein M.* Relativistic Patterns in Totalitarian Thinking: an Inquiry into the Language of Soviet Ideology. Kennan Institute for Advanced Russian Studies, Occasional Paper, # 243. Washington: The Woodrow Wilson International Center for Scholars, 1991.